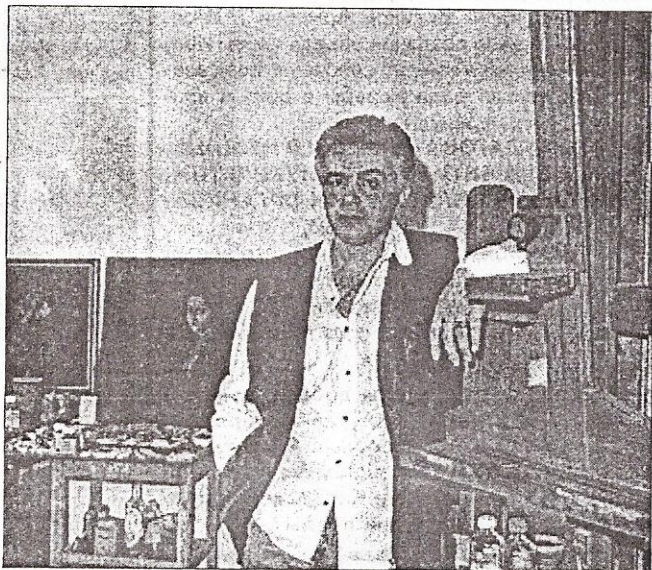

На стене, прямо над диваном - из тех, с которых непросто сразу подняться, висят изумительные натурные штудии Егшия Татевосяна, большая композиция Эдуарда Исабекяна, графика Коджояна. И это отнюдь не единственное украшение кабинета. Эта комната вообще не походит на обычный чиновничий кабинет, да и его хозяин, несмотря на серьезный административный опыт, так и не обрел вельможной вальяжности. Видимо, так и должно быть, так как мой собеседник - ректор Академии художеств живописец Арам ИСАБЕКЯН. Человек необычайно деятельный и энергичный, возглавив 7 лет назад тогда еще Художественный институт, Исабекян сумел решительно и на редкость последовательно преобразовать его в академию не только по названию, но и по сути.

АКАДЕМИЯ ХУДОЖЕСТВ - ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

— Работы, которые вы здесь видите, были буквально спасены. Когда я их увидел впервые, пришел в ужас. Татевосян, например, был разрезан ножницами, чтобы уместиться в раму, и это в советский период, когда рамы стоили буквально копейки. Надо сказать, что отношение чиновников, управляющих не только институтом, но и вообще искусством, было совершенно наплевательским. Художественный институт существует с 46-го года, и почти все наши крупные художники учились здесь, так что у нас не только мог, но и просто обязан был быть огромный запасник, из которого мы могли бы создать музей академии. Но что вы хотите, если Башинджагян был оценен - во сколько вы думаете? В 30 рублей! Даже милиция отказывалась отслеживать пропажу таких "ценностей".

— Сейчас отношение изменилось?

— Прежде всего изменилось отношение самих художников, наше отношение. Искусство ценят в том случае, если те, кто им занимается, сами им дорожат. Все, что удалось найти, спасти, мы привели в порядок, почистили, оценили. Да разве только это? Помните, в каком состоянии было здание?

... Да уж, такое не забудешь: облупленные подоконники, мастерские с фанерными перегородками, ни одной половицы, которая бы не скрипела от дрохлости, достопамятные туалеты...

— А творческий процесс тем не менее шел...

— Ну это скорее вопреки обстановке. Талантливые-то люди были всегда, а вот руководство... Обидно, сейчас далеко не лучшие времена, скудное бюджетное финансирование, очень сложно найти возможность отремонтировать хоть что-нибудь, но все же находим спонсоров, чаще всего - это личные контакты, друзья, знакомые. Как подумаешь, что раньше все это делалось простым росчерком пера - нужно было только, чтобы чиновник просто захотел. И дело не только в состоянии здания. Графику изучали теоретически. Станков не было. Мне удалось привезти сюда простаивавший в Союзе художников литографический станок, чуть

ли не единственный в Армении, достать офортные станки.

То есть вопрос не только в строительстве; но и по большому счету - в создании нормальных условий для творчества. Хотя - тут Исабекян озабочено вздыхает - на сегодня главное все-таки строительство и ремонт. Вы не поверите, он мне уже снится, этот ремонт.

— Еще лет десять назад это был Художественно-театральный институт, потом просто Художественный, теперь уже почти год - Академия художеств. Насколько это переименование существенно?

— То, что совместное существование двух институтов не было счастливым, даже обсуждать не стоит. В таком сожительстве неизбежно кто-то оказывается на вторых ролях, в результате все недовольны и винят друг друга. Отделение было совершенно необходимо. Что касается академии, то и в этом переименовании мы приподзнились. Мы не можем существовать отдельно от всего мира, если хотим серьезного отношения к себе, широких и равноправных контактов. Такие учебные заведения, как наше, во всем мире называются академиями еще со времен Ренессанса. Содержание этого понятия всем понятно, и это соответствует тому, чем мы занимаемся. Понятие "институт" имеет совершенно другое содержание. Название должно выражать суть. Сейчас стало даже легче общаться с коллегами.

Но дело, конечно, не только в этом. Мы сейчас обучаем по многим специальностям, которых раньше не было: это моделирование, текстиль, работа по металлу и пр. Кстати, теоретиков искусства тоже раньше не готовили, так что отделение искусствоведения тоже нововведение. Все это не просто слова, каждая специальность требует соответствующего оборудования, лабораторий, помещений. Я уж не говорю о том, что у нас появились филиалы в Гюмри и Силиванке.

— Как такое расширение сказывается на качестве обучения?

— Я уверен, что нельзя творить среди мусора - все имеет значение, простите, даже нормальные туалеты. Одна из уборщиц у нас специально следит именно за этим. Я знаю, что рано или поздно у нас изменится отношение к культуре, а творческие достижения связаны в первую очередь с этим, ну и, конечно, с концепцией образования. Мы - академия, мы учим рисовать. Хорошая академическая школа - самое ценное наследство, которое нам досталось. Мы будем стараться его сохранить и преумножить.

Даже на Западе так почти нигде не учат. Недавно удалось отправить двух студентов во Флоренцию. От них потребовали что-то вроде экзамена - нарисовать, просто чтобы определить уровень. Так они всех так поразили, что им было сказано, мол, они сами могли бы преподавать, даже не хотели оставаться на обучение. Пришлось вмешаться и убедить, что ребятам необходимо не столько обучение, сколько обстановка, атмосфера Флоренции.

К нам, кстати, давно просились студенты из Италии, Франции, особенно после того, как армянская скульптура так триумфально утвердилась в Равенне. Мы не могли их принять - вы же понимаете, что нельзя приглашать гостей в развалины. Сейчас уже, пожалуй, сможем.

— Арам Эдуардович, вы признанный художник, живописец, пусть даже из вас получился замечательный, как теперь говорят, менеджер. Что это для вас - самопожертвование - столько сил отдавать академии?

— Я не сразу это и сам понял, но, несомненно - это жертва. Как ректор академии я еще вхожу в разные комитеты и комиссии, в целый ряд организаций, тоже важных и нужных для искусства, так что на собственное творчество почти не остается времени. Но - лукаво улыбается Исабекян - я нашел выход - пишу портреты. Я обнаружил, что для художника в моем положении - это самый подходящий жанр. Это композицию все время откладываешь, а портрет - пришел человек, тоже занятой, и оставляешь все дела и пишешь.

— А кого вы пишете?

— В основном друзей. Так получилось, что среди них много известных людей. За этот год у меня получился целый ряд - около 20 портретов.

— Вы оптимист?

— Я делаю свое дело. Радуюсь, когда удается, радуюсь, что работаю с заинтересованными, талантливыми людьми. У нас получится - ведь за последние 2-3 года уже стало немного легче. Планов очень много - и связанных с академией, и творческих. Вот недавно открыли галерею, выставочный зал, должны быть показаны работы из наших запасников, по крайней мере те, что сохранились, обязательно будет хорошая, современная библиотека. Так что я уверен: мы продвигаемся - медленно, но в правильном направлении. Немного помолчав, добавил, словно для самого себя: мы правы, да, правы.

Беседу вел Зара ТЕР-АКОЦЯН